

Илья Шумей

**Игры в чужой
песочнице**

Игры в чужой песочнице

Илья Шумей

Игры в чужой песочнице

«Accent Graphics communications»

2016

Шумей И. А.

Игры в чужой песочнице / И. А. Шумей — «Accent Graphics communications», 2016 — (Игры в чужой песочнице)

Гурманы всего мира готовы выкладывать фантастические деньги за «зеленое золото» – вполне обычные овощи и фрукты, но обладающие столь ярким вкусом и ароматом, что простой огурец превращается в изысканнейший деликатес. Произрастает это сокровище в одном-единственном месте – в редких оазисах Мохарры, – планеты-пустыни, прозябающей на задворках мира. Увы, львиная доля прибыли оседает в карманах многочисленных перекупщиков, и до местных фермеров доходят сущие гроши, едва позволяющие сводить концы с концами. Вряд ли чудаковатый торговец сельхозтехникой, которого нелегкая занесла в эту забытую Богом дыру, сумеет продать здесь хоть что-то серьезней тачки. Вот только почему он задает так много вопросов? Откуда ему известны секреты, коих он знать никак не должен? Что за игру он ведет? И не окажется ли в итоге, что все фермерские труды и хлопоты – лишь жалкие, мелочные и опасные игры в чужой песочнице?

© Шумей И. А., 2016

© Accent Graphics
communications, 2016

Содержание

Игра первая	5
Игра вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Илья Шумей

Игры в чужой песочнице

Игра первая

За мутным стеклом иллюминатора одна за другой проплывали нескончаемые гряды песчаных дюн. Их сонное размеренное колыхание вызывало в уме какие-то странные ассоциации. Иногда вдруг представлялось, что это ветер треплет огромное желтое полотнище, или что это вздымается и опадает исполинская женская грудь. Вверх, вниз, вдох, выдох. И так до бесконечности. Все вокруг, насколько хватало глаз, было желтым, желтым и снова желтым.

Впрочем, человека в аккуратном, хотя и знававшем лучшие времена, светлом костюме, сидевшего в кресле у окна, подобные фрейдистские фантазии занимали мало. Он просто использовал по прямому назначению несколько выдавшихся свободных минут. То есть спал.

Невысокий, худощавый, с заросшим недельной черной щетиной круглым лицом, на котором застыло легкое удивление, словно он даже во сне недоумевал, каким боком его забросило в такую даль. Сползшие на самый кончик носа очки без оправы довершали образ типичного клерка, засланного в дальнюю командировку.

Здесь, посреди бескрайней мохаррской пустыни, он выглядел явно чужеродным явлением, хотя, похоже, уже привык к такому положению вещей, и подобные вылазки в провинциальную глушь были ему не в диковинку. Несмотря на то, что незнакомец являлся единственным пассажиром в вертолете, он дремал, предусмотрительно просунув левую руку под ляжки расположившейся на соседнем сидении большой дорожной сумки.

Вертолет заложил вираж, прицеливаясь во внезапно открывшуюся посреди песков посадочную площадку. Взметнув в воздух огромный желтый пылевой цветок, он завис и начал осторожно снижаться. Покачивающийся под напором ветра техник, чье лицо до самых глаз скрывалось за полосатым платком, вскинул руки, когда опоры коснулись земли, и вой турбин стих. Остался только свист рассекаемого лопастями воздуха.

– Прибыли! – пилот развернулся в своем кресле, – эй! Уважаемые пассажиры, наша авиакомпания прощается с вами. Экипаж желает Вам всего наилучшего, и надеется, что эта встреча – не последняя! Э-эй! Подъем!

Человек в очках вздрогнул, проснувшись, и захлопал глазами, озираясь по сторонам.

– Что? Уже?

– «Изумрудные холмы», как и заказывали.

– О! Отлично! – подхватив свою сумку, пассажир поправил сползшие очки и поднялся на ноги, осыпая с костюма тоненькие ручейки песка, – благодарю за доставку, – он протянул пилоту сложенную вдвое купюру, – с Вами приятно работать!

– С Вами тоже! – помятая бумажка мгновенно исчезла в кармане пилотской жилетки, – погодите минутку!

Достав из другого кармана визитку своей компании, летчик выдернул огрызок карандаша из гущи воткнутых в щель приборной панели календариков, пестрящих различными частями обнаженных женских тел, и что-то нацарапал на ее обороте.

– Вот, возьмите, – он протянул визитку, – если что понадобится, можете звонить прямо мне, договоримся.

– Хорошо, буду иметь в виду. Еще раз спасибо! – вскинув сумку на плечо, человек толкнул дверцу, распахнувшуюся с жалобным скрипом, и спрыгнул на песок.

В лицо дохнуло сухим раскаленным воздухом. Прищурившись от яркого света и прикрывая глаза ладонью от поднятой вертолетом пыли, мужчина в светлом костюме зашагал к ожидающему его технику.

За спиной громыхнула захлопнувшаяся дверца. Потом еще раз. И еще. С четвертой попытки она, наконец, закрылась. Снова взвыли турбины, вертолет взмыл в небо, лихо развернулся и, быстро набирая скорость, скрылся за песчаным гребнем.

– Добро пожаловать в «Холмы»! – техник сделал широкий жест рукой, и, словно повинаясь ему, из оседающих облаков пыли выступил скособоченный сарайчик, на крыше которого, под провисшими проводами антенн, красовался фанерный щит с облупившимися буквами «Из.р. днь. е хо...», – Вам у нас обязательно понравится!

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – так и не уловив в приветствии даже намека на сарказм, человек обречено покачал головой и побрел следом за техником.

Сарай этот, по всей видимости, совмещал в себе диспетчерский пост, регистратуру, зал ожидания и много чего еще, являясь, таким образом, центральным аэропортом затерянного в песках поселка, единственными «воротами», через которые осуществлялась связь с большим миром.

Внутри домик выглядел, пожалуй, еще более удручающе, нежели снаружи. Помещение разделялось примерно пополам стойкой регистрации, разглядеть которую, тем не менее, оказалось довольно непросто. Главным предметом мебелировки являлся хлам, копившийся здесь, наверное, со времен отцов-основателей. Пустые бутылки, банки, коробки, грязные промасленные тряпки вперемежку со ржавыми деталями вертолетов и мотками колючей проволоки громоздились буквально повсюду. Узенькая относительно свободная от мусора тропинка вела от двери к продавленному почти до самого пола креслу. В противоположном углу, на трех сложенных друг на друга автомобильных колесах стоял телевизор, издающий булькающее шипение и демонстрирующий размытые шевелящиеся пятна, которые, в зависимости от настроения и фантазии, допускали самыми разнообразными трактовки.

Нырнув за стойку, погребенную под штабелями пустых пивных банок, техник размотал платок, обнажив молодое, почти детское лицо, рябое и тощее настолько, что оно казалось слегка вогнутым. Его длинные засаленные волосы стягивались на затылке резинкой в неопределенного цвета хвост, делаая голову похожей на проросшую и уже успевшую завясть луковичу.

– Документики, пожалуйста, – вновь прибывший вложил в протянутую руку пластиковую карточку паспорта, – цель визита?

– Дела.

– Оружие, наркотики, запрещенную литературу не провозите? – задавая вопросы, техник одновременно лихорадочно шарил в горах барахла, скопившегося на своем столе, что-то разыскивая. Паспорт он держал в отставленной в сторону руке, словно боялся его испачкать.

Черные брови гостя удивленно приподнялись.

– Увы, нет. Не сегодня.

– Жаль.

– А что, у вас здесь еще один таможенный досмотр надо проходить?

– Да нет, это я просто так, от скуки... черт!

Потревоженная баррикада из мусора, постепенно ускоряясь, начала сползать со стола. На пол, рождая какофонию лязга и дребезга, посыпались пустые одноразовые стаканчики, тарелки и старые мужские журналы, страницы которых от беспрестанного перелистывания пожелтели и закручивались, напоминая грязные вафельные трубочки.

– Ага! Вот он! – удовлетворенно воскликнул рябой, дождавшись окончания схода лавины, и, сбросив вниз еще пару журналов, выволок на свет божий покрытый пылью регистратор, – прошу прощения...

Визитер еле успел отскочить в сторону, когда техник, набрав полную грудь воздуха, что было сил, дунул на коробочку. Густое облако пыли, взвившись в воздух, плавно проплыло через всю комнату и разбилось об входную дверь.

– Ну-с, посмотрим, посмотрим, – парень щелкнул тумблером и, немного подождав, приложил паспорт к регистратору.

Компьютер издал недовольное «бе-е-е-е», чем привел техника в легкое замешательство. Тот еще пару раз повторил эксперимент с тем же результатом и озадаченно уставился на пластиковый прямоугольник.

– А у Вас паспорт, часом, не поддельный? – он подозрительно покосился на человека в костюме.

– Самый что ни на есть настоящий! Попробуйте еще раз.

Рябой перевел взгляд на регистратор и, взяв его в руки, провел с ним сеанс воспитательной работы, состоявшей из тряски, колочения об стол и повторного сдувания пыли. Прделав перечисленные манипуляции, он поставил коробочку обратно и осторожно, почти нежно, провел по ней паспортом.

На сей раз прозвучало удовлетворенное «бип», и техник, облегченно вздохнув, отдал паспорт его владельцу и повернулся к монитору.

– Так-так, что у нас тут, – палец с обгрызенным ногтем заскользил по экрану, оставляя за собой свободные от пыли полосы, – Юрий Содос, 34 года, зарегистрирован на Серене-2. О! Модное местечко, да?

– Да, неплохое.

– Что же Вы потеряли в нашей забытой Богом дыре?

Вместо ответа Содос протянул ему визитку.

– «Автотехтрейд», поставки сельскохозяйственной и строительной техники» – вслух прочитал парень, напряженно морща лоб, – Вы что, смеетесь!?

– А что не так?

– Да Вы здесь даже ручную тележку не продадите! Вы же видите, в каком мы... в какой... в общем, нет у нас денег на новую технику. Да и не было никогда. На Вашем месте, господин Содос, я бы не терял времени и вернул бы назад тот вертолет, пока он еще недалеко улетел, и отправился искать счастья в более благополучные места.

– Хм, печально, но, как говорится, человек предполагает, а фирма располагает, – Содос пожал плечами, – в любом случае, я должен встретиться с местным руководством и, если у него я тоже получу от ворот поворот, то только тогда я могу со спокойной совестью и чувством выполненного долга отправляться восвояси.

– Как хотите, но я Вас предупредил.

– Благодарю, – убрав бумажник во внутренний карман, он подхватил сумку, – а теперь, если не возражаете, я хотел бы попасть в поселок. Машина есть?

– О'кей, – рябая физиономия расплылась в недоброй ухмылке, – пойдёмте, посмотрим на наш автопарк.

Весь так называемый «автопарк» уместился на пяточке за сараем и насчитывал ровно четыре экспоната. Содос регулярно интересовался последними новостями с автомобильного рынка, и хорошо знал модельные ряды ведущих автопроизводителей, включая машины, снятые с конвейера уже пару десятилетий назад. Но на сей раз его обширная эрудиция дала осечку.

Вообще, опознать в облупившихся и покрытых пятнами ржавчины гудах металла транспортные средства удалось не с первой попытки. Разверстые пасти с обломками гнилых зубов радиаторных решеток и пустые глазницы фар вызывали в памяти образы, увиденные когда-то давно в палеонтологическом музее. Мысль о том, что это еще может самостоятельно передвигаться, казалась чистым безумием.

И для того имелись веские основания. Более внимательный осмотр выявил, что у первой машины отсутствуют два колеса, а у второй под приоткрытым капотом вместо аккумуляторов обнаружился лишь толстый слой нанесенного ветром песка.

– Мы хотели собрать из того, что есть, хотя бы одну более-менее рабочую тачку, – техник указал на третий образчик местного автомобильного дизайнера, – в ней где-то постоянно контакт пропадает, надо пнуть пару раз – и порядок.

Покрытая засохшей грязью вмятина на правом борту подсказывала, куда именно нужно целиться ботинком для достижения лучшего результата.

– А... – Содос указал на последнюю в ряду машину.

– Это моя, – поспешно отозвался парень, чуть сместившись вбок, словно пытаясь загородить свою собственность от нескромных взглядов, – да Вы не беспокойтесь, машинка вполне исправная, еще сто лет проедет, только заряжайте почаще. Как до города доедете, так прямо у бара и поставьте ее под зарядку.

– М-да, ну ладно, и сколько будет стоить это удовольствие?

– С мэром договаривайтесь, это все его хозяйство, – техник развернулся и направился обратно в свой сарай.

– Эй! А ключи?

– Какие еще ключи?! Там кнопка под рулем и все, – по недоуменному взгляду Содоса рябой понял, что требуются дополнительные разъяснения, и тяжело вздохнул, – здесь в радиусе сотни километров Вы не найдете ни одного ключа и ни одного замка. Здесь ничего никуда не пропадает и ничего из ниоткуда не появляется. Тот, кто здесь родился, тот здесь и умрет. Добро пожаловать на Мохарру!

Бросив сумку на заднее сиденье, Содос забрался в кабину сам, и некоторое время только хватал ртом раскаленный и пропахший маслом воздух. Ткнув пальцем в примотанную изолентой к рулевой колонке красную кнопку, он пробудил к жизни несколько мутных лампочек на приборной панели. Перебрав другие кнопки он, наконец нашел ту, что включала вентилятор... Чихая и кашляя от заполнившей кабину желтой пыли, он поспешно выключил его и, закрыв глаза и задержав дыхание, на некоторое время отдался на волю обстоятельств.

Если в голове Содоса и оставалась зыбкая надежда что-то здесь продать, то теперь она улетучилась окончательно. Он и не предполагал, что в мире еще остались такие глухие и нищие захолустья. Его будто бы отбросило назад во времени лет на пятьдесят, а то и больше. Казалось невероятным, что в соседней звездной системе, всего в часе лета, виллы на побережье стоимостью в несколько миллионов, сметались как горячие пирожки. Да, в рекламных роликах все выглядело иначе. Совсем иначе.

Как бы то ни было, но ночевать в машине он все равно не собирался, а потому открыл глаза и, протерев очки, водрузил их обратно на нос и выехал со стоянки.

Скрипя и дребезжа, казалось, каждой своей деталью, колымага перевалила через песчаную грядку и покатила вниз, в плавно загибающуюся вправо ложину между двумя огромными старыми дюнами.

Весь ярко освещенный южный склон густо покрывали панели солнечных батарей, жадно впитывающих обжигающие дневные лучи. Выше, на гребне, выстроилась шеренга ветряков, лениво перебирающих в воздухе своими лопастями. Содос обратил внимание, что в рабочем состоянии пребывала от силы половина машин. На остальных кое-где не хватало лопастей, а некоторые мачты вообще стояли пустыми. Снятые с них неисправные и последовательно потрошенные на запчасти генераторы валялись то тут, то там, наполовину зарывшись в песок.

Подъехав чуть ближе, он увидел, что и с солнечными батареями дело обстояло ничуть не лучше. Когда-то, видимо очень давно, система сервоприводов поворачивала квадратные кремниевые подсолнухи вслед ползущему по небу светилу, но неумолимое время и коварный песок вывели из строя уже почти все моторы. Теперь большинство панелей навечно застыло

в тех положениях, где их застигла смерть, хаотически разбрасывая по окрестностям ослепительные солнечные блики. Содос даже был вынужден прикрыть глаза рукой, чтобы защититься от их блеска.

Под одной из установок он заметил группу людей, прячущихся в ее тени от зноя. Валяющиеся рядом лопаты и щетки свидетельствовали о том, что они, по-видимому, упражнялись в подражании Сизифу, очищая панели от песка. Когда машина проезжала мимо, одна из голов в широкополой шляпе оторвалась от земли и, приподнявшись на локте, проследила за ней сонным взглядом, после чего пожала плечами и, надвинув шляпу на глаза, снова завалилась спать.

Дорога опять начала карабкаться вверх. Мотор заскулил, жалуясь на тяжелую жизнь и почти разряженный аккумулятор. На приборном щитке уже нервно замигала пара красных лампочек, когда подъем, наконец, кончился.

Содос остановил машину и, скрипнув дверью, выбрался из нее, шурясь от яркого солнечного света. Раскинувшаяся перед ним панорама стоила того, чтобы немного задержаться и рассмотреть ее получше.

В широкой, обрамленной рябью песчаных волн долине, раскинулся ярко-зеленый ковер оазиса, чуть мерцающий в поднимающемся от раскаленной земли горячем мареве. Его зелень, столь яркая и сочная, после нескольких часов сплошной желтизны буквально резала глаз. Деревья, кусты, лианы – все это торжество растительного мира, словно насмехаясь над окружающей пустыней, покрывало, казалось, каждый квадратный сантиметр отвоеванной у песка территории. Даже Человеку, и то, только с огромным трудом, удалось выцарапать у леса лишь узкую полоску вдоль опушки, шотландкой полей и огородов втиснувшуюся между песками и зеленой стеной.

Мозгу потребовалось несколько долгих секунд, чтобы соотнести размеры плантаций, дорог между ними и ползущего в облаке пыли крохотного трактора с высотой некоторых деревьев. Схватившись, Содос захлопнул рот, при этом на зубах мерзко скрипнули уже успевшие залететь в него шальные песчинки.

Темно-зеленые, с легким фиолетовым отливом вершины вздымались вверх более чем на сотню метров, раскидываясь там огромными изумрудными шапками. Чуть ниже листва заканчивалась, обнажая рыжие колонны мощных стволов. То, что поначалу он принял за густой подлесок, оказалось кронами остальных деревьев, которые переплетались так плотно, что в итоге сплошной ковер листвы напоминал бархатную подушечку для иголок, в которую кто-то воткнул пару дюжин исполинских зонтиков для коктейлей.

С трудом оторвавшись от любования зеленым торжеством Жизни, Содос, рассеянно почесывая щеку, перевел взгляд на поселок, раскинувшийся у подножия дюны, на которой он стоял. На фоне древесных гигантов, его разбросанные по песку домики, бледные и еле различимые на фоне окружающих дюн, казались лилипутскими игрушками, позабытыми в песочнице детскими кубиками. И кому только пришло в голову назвать это пыльное захолустье «Изумрудные холмы»?

Уже предвкушая удовольствие от знакомства с «комфортом» местной гостиницы, он крикнул с досады и, забравшись в кабину, отпустил тормоз и неторопливо покатился под уклон.

Вот ведь ирония! Когда в конце прошлого века один из исследовательских зондов впервые обнаружил в грунте другой планеты примитивные бактерии, шум стоял такой, что аж барабанные перепонки рвались. В движение пришло все и вся – от самых глубинных пластов научного сообщества и исследовательских лабораторий Министерства Обороны до религиозных сект и туристических компаний. Ажиотаж полыхал страшный!

За бактериями последовали одноклеточные водоросли, затем лишайники, а потом новые открытия слились в один сплошной поток, в котором уже сложно стало различать отдельные знаменательные вехи. Сенсации превратились в будничную рутину, интересную только узким

специалистам. Человек вообще, удивительно быстро начинает воспринимать как нечто обыденное то, что еще вчера вызывало у него шок. Инопланетная растительность, а вскоре и живность превратились всего лишь в еще один завлекающий абзац в туристических буклетах. Ксенопарки с чужеземными животными, за билетом в которые пару десятилетий назад выстраивались многочасовые очереди, сегодня находились на грани разорения. А в супермаркетах появились отделы, предлагающие разнообразные средства для борьбы с завезенными извне паразитами.

Для ученых каждый новый мир представлял собой неисчерпаемый кладезь новых открытий и тем для диссертаций. Но, по мере того, как человечество расползлось по Галактике, количество неисследованного материала начало все более ускоряющимися темпами опережать возможности (как финансовые, так и просто физические) желающих его изучить. Все чаще дело ограничивалось занесением новой планеты в каталог под непроизносимым цифро-буквенным индексом, и отправлялось на полку до лучших времен.

Место ученых на передовой космической экспансии человека заняли колонисты, в которых-то как раз недостатка не было. Во многих мирах, задыхающихся от перенаселенности, действовали специальные программы по стимулированию миграции на новые планеты.

Но переселиться мало, надо еще и научиться зарабатывать себе на жизнь. В такой ситуации преимущество оказывалось на стороне тех миров, которые могли предложить другим что-то необычное, что-то эксклюзивное, чего нигде больше не сыщешь.

И вот тут Мохарре здорово повезло. Здесь обнаружили Оазисы. При взгляде с орбиты, поверхность планеты напоминала сыр «Рокфор» – бескрайняя светло-желтая пустыня с вкраплениями изумрудно-зеленой плесени. До подробного объяснения столь причудливого поведения местной флоры у ученых, как водится, еще не дошли руки, а колонисты, тем временем, уже всю осваивали попавшее им в руки богатство.

Словно отыгрываясь за мертвую раскаленную пустыню вокруг, растительность в оазисах буквально рвалась из земли, будто сегодня ее последний день. Первые же попытки вырастить здесь что-нибудь из традиционных культур привели к ошеломляющим результатам. Томаты, например, вырастали из брошенного в грядку семени до зрелых, налитых соком плодов всего за два месяца. Апельсины получалось собирать просто непрерывно, круглый год. Да и со всеми прочими посадками творились подобные чудеса.

Более того, помимо ускоренного созревания, все выращенные на мохаррских полях овощи и фрукты отличались удивительно ярким и насыщенным вкусом, недостижимым в прочих условиях. Посему, продукция местных ферм стала желанным гостем на столах самых дорогих и престижных ресторанов, получив шутивное прозвище «Зеленое золото». Очень быстро цены на нее достигли поистине заоблачных высот, превратив, к примеру, обычный, выросший в мохаррском оазисе, огурец, в элитный деликатес.

И кто, скажите на милость, мог подумать, что поселенцы, выращивающие эти мечты гурмана, сами, оказывается, едва сводят концы с концами.

Миновав несколько гаражей и ангаров, рядом с которыми громоздились останки тракторов, косилок и прочей техники, постепенно погружающейся в песок, дорога уткнулась в такое же облупленное, как и все прочие, здание, отличающееся от них лишь наличием выцветшей надписи «Отель» над дверями. Машина в последний раз жалобно пискнула и умолкла. Оставалось только надеяться, что не навсегда.

Мысленно оценив свои перспективы, сулящие пешую прогулку по раскаленной пыльной улице с тяжелой сумкой на плече, Содос благоразумно решил, что если он немного передохнет в данном заведении, пока аккумулятор будет заряжаться, то ничего страшного не случится. У него вообще сложилось впечатление, что в здешних краях уже давно ничего примечательного не случалось.

Выйдя из машины, он снял с ближайшей колонки обмотанный грязной обтрепанной веревкой зарядный кабель, и воткнул его в разъем рядом с капотом. Подобрал с заднего сиденья свою сумку, Содос поднялся на крыльцо и, толкнув дверь, шагнул в блаженно прохладный полумрак.

Некоторое время он просто стоял, ожидая пока перед глазами перестанут плясать солнечные зайчики, после чего огляделся по сторонам. Контраста не получилось. Внутренний вид заведения полностью соответствовал его виду внешнему.

Дощатый пол, покрытый многочисленными фанерными и жестяными заплатками, был хаотично заставлен столиками и табуретками. На некоторых из них сидели люди, поглядывающие на незнакомца с любопытством коров, которые смотрят на Вас просто потому, что смотреть им больше не на что. Вы будете интересны им ровно до тех пор, пока не придет время наклониться за очередной порцией жвачки.

Чуть левее, ближе к стене, стоял бильярдный стол, на некогда зеленом сукне которого раскинулась, пожалуй, подробная история всего поселка. Моря и континенты пятен от пролитого пива с городами, прожженными оброненными окурками – эта карта могла порассказать о многом, если Вы любите такие истории, конечно.

Прямо по курсу, тускло поблескивая латуню и потрескавшейся кожей, отполированной тысячами спин и животов, располагалась барная стойка. За стойкой высился грузный, уже начинающий лысеть бармен в одной майке.

На пути от входных дверей до стойки неожиданно обнаруживалось свободный от столиков пятючок, причина возникновения которого становилась ясна, если поднять глаза к потолку. Над этим местом висел одинокий вентилятор, потерявший в результате неведомых катаклизмов одну из своих лопастей, так, что теперь оставшаяся конструкция выписывала в воздухе довольно замысловатые пируэты.

Никто не горел желанием оказаться рядом, когда эта вихляющаяся и поскрипывающая железяка, устав от своего вальса, оторвется и рухнет вниз, но и выключать единственный источник движения затхлого воздуха в помещении также не хотелось. В сидении под вентилятором, как и в жизни на вулкане, имелись как определенные плюсы, так и вполне очевидные минусы. Судя по всему, минусы перевешивали.

Содос подошел к стойке и присел на круглый лоснящийся табурет.

– Добрый день! – поприветствовал он хозяина заведения.

– Чем могу служить? – поинтересовался тот, не переставая полировать стакан.

– Я только что прибыл и еще не успел толком осмотреться, – начал, было, Содос, – Вы не подскажете мне...

– ...где здесь можно остановиться, где здесь можно перекусить, где можно узнать последние новости и где подают лучшее пиво в городе? Да? – закончил за него бармен. В зале кто-то фыркнул.

– Ну, в общем и в целом, да, – пришлось согласиться Содосу.

– Так вот, все это – здесь! – стакан, с громким стуком поставленный на поднос, буквально вколотил восклицательный знак в конец этой фразы, – комната – три сотни в сутки, завтрак, обед и ужин – еще по сотне за каждый. Если снимаете комнату, – бармен демонстративно чуть наклонился в сторону и посмотрел в окно за спиной Содоса, – то машину можете заряжать бесплатно.

– Э-э-э, хм, бодренькие тут у вас расценочки!

– Есть такое слово – «мо-но-по-ли-я», – по слогам произнес бармен, – хотя Вас никто не заставляет, можете ночевать на улице. Ночи здесь теплые, кровососов нет, так что... А вот от кормежки я бы отказываться не стал, где еще Вам за такие деньги будут подавать мохаррские лакомства? Да еще три раза в день!

– Вот еще! Скажете тоже, «на улице»! Фирма платит, в конце концов, – Содос выудил из кармана бумажник, – я возьму комнату.

– С питанием?

– Разумеется.

– Деньги вперед. Наличные или «Дакти»?

– А карты не принимаете?

– Да я бы с радостью, вот только терминал, как выяснилось, не любит, когда на него пиво проливают, – бармен бросил неприязненный взгляд в сторону столиков. В зале снова кто-то фыркнул, – и нечего фыркать! Пить меньше надо было!

– А ты, Бочар, не оскорбляй благородный напиток! – отозвался его оппонент, покачивающийся на стуле у стены, забросив ноги на стол, – то, что ты тут наливаешь, это не пиво, это моча ослиная!

– Не нравится – не пей!

– Сам же сказал, монополия! – человек обречено вздохнул и крепко приложился к своей кружке, вызвав дружный смех окружающих.

– Ладно, понятно, – кивнул Содос и протянул бармену шесть бумажек, – это за сегодня.

– Ну, завтрак, положим, Вы уже пропустили, – одна купюра вернулась обратно, а остальные скрылись у Бочара в кармане, – пойдете, посмотрим на Ваши апартаменты.

Поднявшись по узкой скрипучей лестнице на второй этаж, хозяин толкнул первую дверь по правую руку.

– Вот. Два спальных места, душ, туалет, розетка – под столом. Кондиционера, извините, нет. Девочек по вызову, увы, тоже. Но, если будет совсем уж невмоготу, то есть телевизор внизу, в зале. Холодильник и телефон – на кухне.

Содос, остановившись посередине комнаты, опустил сумку на пол и огляделся. Сей отель вряд ли мог рассчитывать на что-то большее, чем ползвездочки по стандартной классификации, но за долгие годы скитаний, Содос видал места и похуже. Здесь, по крайней мере, стояли две полноценные, аккуратно застеленные кровати, и постельное белье, которое принес Бочар, выглядело чистым.

– С водой постоянно проблемы, наша очистная установка уже третий год на последнем издыхании, так что я оставил Вам ведро. Вы наберите в него воду, пока она есть, и пусть стоит, а то заранее не угадаешь... – разъяснил он, уже выходя в коридор, – ключ от входной двери я оставил в замке.

– А рябой парень в аэропорту заверил меня, что в Ваших краях я не найду ни ключей, ни замков.

– Это верно, – кивнул Бочар, – но я сохранил несколько раритетов для спокойствия постояльцев. В моем доме у Вас все равно ничего не пропадет, не волнуйтесь.

– Хорошо, спасибо.

– Вы располагайтесь тут, а я пойду. Кстати, хоть меня уже и представили, но, тем не менее, позвольте отрекомендоваться: меня Бочаром кличут.

– А меня – Юрой, – Содос пожал сухую и гладкую руку, отполированную постоянным протиранием стаканов.

– Вот и познакомились! Если что, то я в баре, – бармен скрылся за дверью. Спустя несколько секунд снова жалобно заскрипела лестница.

Оставшись один, Содос прикрыл дверь и с видимым наслаждением поскреб заросшие черной щетиной щеки. С трудом оторвавшись от этого занятия, он осмотрелся повнимательнее.

Единственное мутное от пыли окно выходило на улицу. Перегнувшись через поставленный перед ним столик и прислонившись лбом к стеклу, Содос разглядел багажник своей

машины и краешек козырька над подъездом. Осмотр пространства под кроватями не обнаружил ничего интересного, кроме все той же вездесущей желтой пыли.

Туалет также не мог похвастать особой роскошью. Раковину и унитаз покрывали темные потеки от воды. Поддон под душем отличался от них странной чистотой, объяснявшейся, скорее всего, тем, что он этой самой воды отродясь не видывал. Будучи потревоженным, скрипучий кран издал угрожающее шипение разозлившейся не на шутку гадюки, потом захрипел, закашлялся и разродился тонкой струйкой мутной желтоватой жидкости.

Ожидая, когда вода очистится, Содос протер рукой небольшое окошко в запыленном зеркале и критически себя осмотрел. Не удержавшись, он снова потер щеки и, отдернув руки, спрятал их за спину, от греха подальше.

Тем временем, струйка чуть посветлела, но становиться совсем прозрачной не спешила. Решив, что большего уже не дожидается, Содос подставил под нее белое пластиковое ведро. Пока оно наполнялось, он проверил свои запасы наличности. Тот факт, что карточкой здесь расплачиваться невозможно, скажем прямо, не радовал, поскольку к ближайшему банкомату пришлось бы лететь на вертолете в город. А к «ДактиПэю» он просто испытывал глубокую личную неприязнь. Впрочем, если Бочар не обманул, и не ожидалось никаких непредвиденных расходов, то имеющихся средств должно хватить на несколько дней.

Убрав бумажник во внутренний карман пиджака, Содос выключил воду и, заглянув в мутно-желтые глубины ведра, с обреченным вздохом опустил его на пол. Оставалось только надеяться, что через некоторое время взвесь осядет, и вода станет более-менее похожа на саму себя.

Выйдя в коридор, он запер за собой комнату и двинулся к лестнице, но, когда подошел к перилам, увидел по другую сторону холла выход на балкон.

Застекленная дверь, задребезжав, выпустила его наружу. На какой-то миг у Содоса перехватило дыхание, когда раскаленный полуденный воздух мягким горячим молотом ударил его в лицо. От жары даже заслезилась глаза. Понадобилось несколько секунд, чтобы проморгаться и прийти в себя. Хотя сейчас Содос ощущал себя словно в печной топке, ранним утром и вечером, возможно, на этой террасе отдыхалось очень и очень неплохо. Расставленные вокруг столики и выцветшие почти до абсолютной белизны зонтики только подтверждали его догадку.

«Отель» располагался на самом краю поселка, и буквально от самых его стен начиналось распаханное поле, тянувшееся до самого леса. Панорама открывалась потрясающая. Один из тех случаев, когда лучше один раз увидеть.

Отсюда, с близкого расстояния, исполинские, почти царапающие небо деревья производили даже несколько устрашающее впечатление. Чувство расстояния и размеров опять начало давать сбои, и только пыльные султанчики, тянущиеся за ползущими по полю тракторами, позволяли привести его в порядок. Если бы ближайшее из деревьев вдруг упало, то оно вполне могло дотянуться своими ветвями до самого поселка. А какой получился бы грохот!

Вернувшись в дом, Содос спустился в главный зал. За время его отсутствия состав предающейся пивной медитации компании не претерпел изменений. Только прибавилось пустой посуды на столах. Бочар находился на своем обычном месте и предавался любимому занятию.

– Вы не подскажете, – обратился к нему Содос, – как добраться до вашего мэра?

– Элементарно, – сжимающей тряпку рукой Бочар указал в сторону окна, – отсюда поедете налево и на первом повороте повернете направо. Через триста метров Вы на месте. Мимо не проедете.

– О! Отлично, спасибо! – поблагодарил его Содос, – а как зовут-то его?

– Кого, генерала нашего?

– Мэра.

– Ну, это одно и то же, – описав в воздухе замысловатую кривую, должную способствовать более доходчивому изложению мыслей, тряпка воссоединилась с посудным стеклом, – Гусь... то есть Густав. Большого не скажу – сам не помню.

– Этого вполне достаточно, – Содос кивнул Бочару на прощание и вышел на улицу.

Отсоединив от разъема раскалившийся на солнце зарядный кабель, он, подбрасывая его в руках как вытащенную из костра печеную картофелину, кое-как повесил его обратно на стойку и нырнул в кабину.

Первая же попытка запустить двигатель обернулась неприятным сюрпризом. Грязные лампочки вспыхнули ровно настолько, чтобы продемонстрировать, что аккумулятор полностью разряжен, после чего погасли окончательно. И это после почти получасовой зарядки! Выйдя из машины, Содос встал перед ней, уперев руки в бока и раздумывая над тем, какую степень утраченного применить к подлой колымаге и сосватавшему ее рябому технику.

– Что, не едет? – послышался чей-то хриплый голос. Содос обернулся.

Почти неразличимый в тени крыльца, на скамейке сидел сморщенный бородатый старик. Из его всклокоченной бороды поднимался дымок, но разглядеть сигарету в гуще волос было невозможно. Казалось, что это дымится он сам.

– Аккумулятор издох и не хочет заряжаться, – объяснил ситуацию Содос.

– Аккумулятор здесь ни при чем, – покачал головой старик, – там, на кабеле, разъем треснул и болтается. Надо веревочкой подвязывать, иначе контакта не будет.

Содос смерил старика скептическим взглядом, но все же подошел к колонке и внимательно осмотрел разъем. Похоже, что дед оказался прав. Теперь стало понятно предназначение болтающегося на кабеле мотка грязной веревки. Вздохнув, он снова воткнул кабель в борт машины и обмотал веревку вокруг разъема. На приборной панели загорелся оптимистичный зеленый огонек, на который в прошлый раз он просто не посмотрел.

– Спасибо! – кивнул Содос старику.

– Всегда пожалуйста!

Полная зарядка занимала обычно около получаса, так что, как Содос ни старался избежать пеших прогулок по жаре, этого ему, похоже, так и не удастся.

Отогнув полу пиджака, он посмотрел на внутренний индикатор. От заряда костюма оставалась всего треть. На дорогу до мэрии оставшейся энергии хватит, а вот на обратный путь... Если к вечеру жара не спадет, то придется тяжело. Впрочем, Содоса больше беспокоила не жара.

Он выглянул из-под козырька крыльца. Солнце стояло в зените и только-только начинало сползать вниз. С непривычки, его незащищенной бледной физиономии гарантировался быстрый и качественный солнечный ожог, а личико стоило бы поберечь. Черт, ну почему всегда при сборах что-нибудь да забудешь!

Вернувшись в бар, Содос снова подошел к стойке. Бочар прекратил свои попытки вызвать джинна из очередного стакана и вопросительно посмотрел на гостя.

– Извините, у Вас не найдется какой-нибудь шляпы? – Содос помахал рукой над головой, – я бы не хотел раньше времени превратиться в бифштекс.

– Найдется.

– А Вы не могли бы мне ее одолжить на время?

– Одолжить – нет, но могу продать.

– Дайте-ка я попробую угадать ее цену... – страдальчески поморщился Содос.

– Все верно, – кивнул Бочар, – но она того стоит, – он вынул из-под прилавка широкополую соломенную шляпу наподобие тех, что красовались на головах других фермеров, – ручная работа!

Проходя мимо треснутого зеркала на стене, Содос взглянул на свое отражение и снова поморщился, чувствуя себя в дорогом костюме и огромной, немного скособоченной шляпе жутко глупо.

Набрав в грудь побольше прохладного воздуха из бара про запас, он толкнул дверь и, спустившись с крыльца, вышел в пекло.

«Налево, на первом повороте направо, и еще триста метров» – на словах все выглядело просто и понятно. На практике же, оказалось совершенно невозможно сказать с уверенностью, где улица, а где просто промежуток между двумя соседними зданиями. Похоже, что дорогой здесь считалось любое открытое пространство.

Соломенная шляпа укрывала от солнца, но, увы, не защищала от жары, и сбегаящие по щекам капли пота уже украсили пиджак темными пятнышками. Черт бы побрал эту Мохарру, этот потерявшийся правый поворот, этот хруст песка на зубах и вообще...

Дойдя до последнего строения, Содос озадаченно поскреб нос и, развернувшись, двинулся в обратном направлении, но уже медленней, внимательно глядя по сторонам в поисках злосчастного поворота. Как назло, городок словно вымер, и до сих пор навстречу ему не попало ни одной живой души, у которой можно было бы спросить дорогу. Если так пойдет и дальше, то Содос решил, что, дойдя обратно до гостиницы, он возьмет Бочара за шкуру и не отпустит, пока тот не доведет его до мэрии.

За очередным домом открылся проулок, на который Содос в прошлый раз не обратил внимания. Видневшиеся в нем здания выходили на него своими фасадами, намекая на то, что обрамленная ими полоса залитого солнечным светом песка является для местных жителей эквивалентом улицы.

Еще триста метров... Да, но какие триста метров! Быть может, со временем, к жизни в таких условиях и можно привыкнуть, но для Содоса, выдернутого из-под кондиционера, можно сказать, из лона цивилизации, эта прогулка превратилась в настоящую пытку. На голову словно надели раскаленную сковородку, а песок жег ноги даже сквозь подошвы ботинок, и только тело посередине чувствовало себя более-менее сносно, оберегаемое самоотверженно сражающимся за его комфорт костюмом.

Чтобы хоть как-то отвлечься от своих страданий, он стал рассматривать окрестную архитектуру. Строго говоря, смотреть особо было не на что. Все здания возводились по стандартной каркасно-щитовой технологии, отличаясь, по сути, только цветом облицовочных панелей, который под воздействием солнца и песка уже почти нивелировался до повсеместного грязно-серого.

Строительство домов на песке во все времена считалось не особо благоразумным занятием, и окружающие постройки своим видом только подтверждали эту азбучную истину. Из-за постоянных подвижек грунта, почти все они выглядели в той или иной степени перекошенными и скособоченными. Из разошедшихся щелей торчали бурые клочья не то теплоизоляции, не то тряпок, которыми пытались заткнуть открывшуюся прореху.

Странно, но гостиница вроде бы не страдала подобными проблемами. Или Содос их просто не заметил, или ей и вправду повезло больше. Возможно, ближе к оазису земля становится менее зыбкой. Кто знает?

Занятый этими размышлениями, Содос чуть не споткнулся о ступеньки, поднимающиеся на крыльцо большого двухэтажного здания местной администрации. В этот самый момент его костюм жалобно тренькнул, объявив о кончине заряда. Впрочем, ничего не скажешь.

Просторный холл выглядел вполне пристойно, особенно по местным меркам. Но, в то же время, его просторность вкупе с пустотой дышали запустением и воспоминаниями о несбывшихся надеждах на лучшее будущее.

На стенах отсутствовали какие-либо указатели, и Содосу пришлось соображать самостоятельно. Опустив глаза к полу, он увидел ясно различимый след, за несколько лет протертый тысячами ног, шаркавших по кафельной плитке. Полоса побледневшего узора тянулась к массивным деревянным дверям в дальнем конце холла, отвлекаясь только для того, чтобы заско-

чить по дороге в туалет. Содос удовлетворенно хмыкнул и, поправив очки, зашагал по обнаруженной тропинке.

Стоило только ему приоткрыть тяжелую створку, как все его органы чувств немедленно подверглись массивной атаке. Первыми пострадали уши, на которые обрушился несущийся из стоящего на тумбочке в углу телевизора рев и грохот. Судя по мельтешащим на его экране образам, эту какофонию транслировал какой-то музыкальный канал.

Содос открыл рот, собираясь поздороваться погромче, но тут же пожалел об этом, поскольку ему в нос ударил столь мощный парфюмерный дух, что у него на какой-то миг банально перехватило дыхание.

Он все же пересилил первый порыв к бегству и шагнул внутрь. В тот же миг перед его слезящимися глазами предстал, наконец, источник этих бед, при виде которого объявило капитуляцию и его несчастное зрение.

Восседавшая в кресле женщина, казалось, сошла с экрана своего телевизора, причем не из самой лучшей из передач. Скорее, из одной из тех, что демонстрируются поздно ночью и не предназначены для несовершеннолетних.

Вызывающий наряд с массой зазоров между деталями одежды, развязная поза и толстый, очень толстый слой макияжа, делающий ее похожей на актера театра кабуки (ах, да, еще парфюмерия!) – все необходимые ингредиенты для того, чтобы создать образ прожженной жрицы полных улиц, к которой, правда, ни один мужчина в здравом уме и трезвой памяти не подошел бы и на пушечный выстрел.

– Добрый день! – приветствие Содоса бесследно утонуло в реве музыки. Его самого заметили, только тогда, когда он подошел вплотную к столу.

– Ой! Вы меня напугали! – пискнула секретарша и, взмахнув пультом, выключила телевизор, – Вы откуда?

– Оттуда, – Содос указал на дверь за своей спиной, с трудом удерживаясь от улыбки. Судя по голосу, сидящей перед ним Мегере было от силы лет двадцать, и она изо всех сил старалась сохранять невозмутимое выражение лица, опасаясь, видимо, что от малейшего движения слой грима пойдет трещинами.

– А чего Вам нужно?

– Потолковать с Вашим боссом.

– А у Вас назначена встреча?

– Нет, но я надеюсь, он выкроит для меня минутку-другую.

– Не знаю, не знаю... Что у Вас за вопрос?

– Деловой.

– А конкретнее, – девчушка уже оправилась и начала постепенно примерять на себя роль хозяйки положения, – что мне сказать мэру, как Вас представить? Он человек занятой и на всякие глупости не отвлекается.

– Вот, – Содос протянул ей свою визитку, – тут все сказано.

– Сельхозтехника!? Ха! Вот это глупость так глупость! – поддетый ярко-красным ногтем картонный прямоугольник заскользил по столу обратно к Содосу, – Вы зря потратили время, проделав столь длинный путь, господин Содос. Здесь Вы покупателей не найдете.

– Вы так в этом уверены?

– Абсолютно! Никаких шансов.

– Но хоть поговорить-то с Густавом я могу?

– Зачем? Он Вам скажет все то же самое, что и я.

– А вдруг?

– Не-а.

– Вам что, жалко?

– Понимаете, я здесь сижу как раз для того, чтобы ограждать господина мэра от всяких пустяков, – секретарша откинулась в кресле и принялась демонстративно рассматривать свои пальцы. Непонятно откуда в ее руке возникла пилочка для ногтей, – если я Вас пропущу, то потом мне за это влетит. Никто не любит коммивояжеров.

– Но Вы можете хотя бы сообщить обо мне, – Содос снова протянул визитку, – пусть босс сам решает, принимать меня или нет.

– Он Вас не примет, – брошенный поверх замершей на секунду пилочки взгляд недвусмысленно предлагал ему катиться на все четыре стороны. Казалось, что очередная победа привратника над просителем уже близка.

– Хорошо, давайте сделаем так, – Содос взял карандаш из стоящего на столе стакана и что-то написал на обороте карточки, – покажите это мэру и, если он меня все-таки не примет, то я дам Вам двадцатку. Идет?

Секретарша, вытянув шею, посмотрела на бумажку. Дело принимало любопытный оборот.

– Что это? – спросила она, рассматривая шесть размашистых цифр.

– Покажите это Густаву.

– Это номер телефона?

– Если он сочтет нужным, то потом сам Вам все объяснит.

– Ладно, я попробую, – девушка встала из-за стола, выпрямившись во весь свой, как оказалось, немалый рост, – готовьте свои денежки! – старательно пытаюсь покачивать отсутствующими бедрами, она скрылась за дверью, ведущей в кабинет.

Когда она вышла обратно, выражение легкого любопытства на ее лице сменилось разочарованием, смешанным с озадаченностью.

– Проходите, – буркнула она.

– Благодарю Вас! – Содос постарался вложить в свои слова весь имевшийся у него в наличии запас меда.

Кабинет мэра, обширный и пустой, навевал уже знакомые мысли о совещаниях, которые здесь, видимо, уже никогда не будут проводиться. Во главе длинного стола, заваленного бумагами вперемежку с промасленными деталями, сидел массивный широкоплечий мужчина лет пятидесяти. Содос отметил, что прозвище «генерал» подходит к нему как родное имя.

Коротко стриженные волосы и тяжелый взгляд из-под густых бровей вызывали к жизни застарелые рефлексy, поневоле заставляющие тело вытягиваться по стойке «смирно».

В руке он держал его визитку, осторожно зажав ее между крупными, покрытыми потрескавшимися мозолями пальцами.

– Добрый день! – поздоровался Содос.

– Что это? – прорычал вместо приветствия Густав, развернув визитку цифрами к нему. Его грубый голос также полностью соответствовал имиджу.

– Это, мнэ-э-э, – протянул Содос, чуть повернув голову и к чему-то прислушиваясь. Дверь кабинета, наконец, закрылась со слегка раздосадованным шелчком, – судя по Вашей реакции на мою записку, господин мэр, Вам и самому это прекрасно известно.

Он прошел вдоль стола и, взяв последнее в ряду кресло, плюхнулся в него, закинув ногу на ногу. На мгновение Густав встретился с ним взглядом и неожиданно почувствовал, как в груди у него что-то екнуло.

Это длилось лишь короткий миг. Мэр моргнул, и наваждение бесследно исчезло. Содос шмыгнул носом и поправил сползшие с переносицы очки. Всего одно движение – и он снова стал обычным затюканным клерком, которого начальство отправило обивать пороги кабинетов в поисках новых рынков сбыта, нисколько не заботясь о том, как глупо он будет при этом выглядеть.

Вот только шесть цифр с оборота карточки никуда исчезать не собирались.

– А если нет? – осторожно предположил Густав, – положим, я понятия не имею, что данные цифры означают, а пригласил Вас сюда движимый банальным любопытством.

– Как хотите, – пожал плечами Содос, – любопытство, конечно, великая сила, но... впрочем, ладно, я скажу. Это сумма, уплаченная Вами за некий товар, который должен прибыть сюда завтра утром.

– Вот как? И что за товар?

– Давайте поиграем в жмурки как-нибудь в другой раз. Мы же взрослые люди, в конце концов.

Последовавшая пауза длилась около минуты. За пухлой обитой дверью возобновился грохот телевизора.

– Хорошо, допустим, – придя к какому-то заключению, мэр положил визитку на стол и перевернул руки ладонями вверх, – но кто Вы такой, чего Вы хотите от меня? И что вообще Вам здесь нужно?

– Не беспокойтесь Вы так, я не из полиции.

– О! Мне сразу полегчало! – фыркнул Густав, – откуда же тогда?

– Я представляю интересы поставщика, и моя задача – контроль доставки. У нас, знаете ли, тоже существуют свои ревизоры. Я должен проследить, что товар доставлен в срок и с должным качеством.

– Пф-ф! Сами управимся.

– Я не стану вам мешать, я только понаблюдаю за процессом и все.

– И что? Думаете, я после такого объяснения брошусь к Вам с распростертыми объятиями? Вы хотите, чтобы я позволил человеку, которого вижу первый раз в жизни, совать нос в наши сугубо внутренние дела? Я что, похож на идиота?

– Никак нет! Но, как Вы могли заметить, я и без того уже погружен в ваши темные делишки по самые уши.

– А если я предложу Вам катиться восвояси? – мэр пошел в контратаку, – прямо сегодня? Сейчас?

– А если я откажусь?

– С пустыней шутки плохи, всякое случается...

– Я очень осторожный человек, кроме того, одна гадалка как-то нашептала, что мне суждено утонуть, а в ваших краях подобный исход представляется крайне маловероятным.

– При определенной сноровке и в ложке супа можно утопиться.

– Что ж, Вам виднее, – Содос снял очки и принялся протирать стекла носовым платком, – так или иначе, но слишком много людей знают, что я здесь. Случись что – не избежать расследования. Мое руководство, кем бы я ни являлся, этого так просто не оставит, а люди они весьма серьезные и жесткие. И вот тогда у вас начнутся по-настоящему серьезные неприятности. Можете считать это моей ответной угрозой, если хотите. А вот от сотрудничества все были бы в выигрыше, – он надел очки обратно, – что скажете?

Густав еще немного поразмыслил, барабанил пальцами по визитке.

– Слишком многое поставлено на карту... – он сделал паузу, но, так и не дождавшись реакции, продолжил, – какого рода сотрудничество Вы имеете в виду?

– Поскольку Ваш заказ несколько... неожиданный для здешних краев, то моей второй задачей является более детальное выяснение обстановки на месте. Лучше зная ситуацию, мы, возможно, могли бы предложить Вам более оптимальный способ решения Ваших проблем.

– Мой выбор меня вполне устраивает.

– И, все же, хотелось бы знать, для чего вам посреди голой пустыни понадобилось... все это.

– В свое время Вы все сами поймете, господин... – Густав скосил глаза на визитку, – господин Содос. Ведь Вы, как я понял, еще не улетаете?

– Я побуду здесь еще пару дней. Хочу немного осмотреться.

– У Бочара остановились?

– Да.

– Что ж, осматривайтесь, только осторожно, – мэр снова побарабанил мозолистыми пальцами по столу, – а то знаете, как оно бывает, отойдет человек за угол отлить, и больше его никто не видел. Пустыня чертовски коварна.

– Намек я уже уловил, – кивнул Содос, – Вы, значит, мне все-таки не верите?

– Жизнь научила меня не верить на слово первому встречному. Тем более что Ваша легенда, с которой Вы сюда пожаловали, – мэр поднял визитку перед собой, – чушь собачья!

– Можете проверять сколько угодно, – небритое лицо расплылось в широкой улыбке, – таможеню, полицию и паспортный контроль она удовлетворила вполне.

– Почему же тогда, разговаривая со мной, Вы от нее отказались?

– Потому, что от Вас мне требуется некоторое содействие, которого мне не получить, оставаясь в ее рамках.

– А как быть с остальными фермерами? Они тоже ни в жизнь не поверят, что я готов расстилать ковровую дорожку перед каждым приторговывающим комбайнами жуликом и разрешаю этому подозрительному типу подсматривать за тем, что происходит в нашей спальне.

– Это уже не принципиально, главное, чтобы обо мне не узнали доставляющие груз пилоты. Они о проверке знать не должны.

– Что-то Вы темните, господин Содос, – мэр поморщился, – я все же буду за Вами присматривать.

– Я понимаю, – Содос задумчиво пожевал губами, – давайте сделаем вот что: чтобы и мне и Вам жилось спокойней, назначьте мне кого-нибудь в проводники. Так я и не потеряюсь, и под ногами у Вас путаться не буду.

– Скажете тоже! У меня каждый человек на счету!.. Хотя идея хорошая.

– Прямо-таки каждый?

– Подождите, дайте подумать, – Густав помассировал нахмуренный лоб и нажал кнопку на коммутаторе, – Аня, где Серж?

Доносившийся из-за двери рев неожиданно оборвался.

– Что? – хрипло пискнул коммутатор исковерканным до неузнаваемости голосом секретарши.

– Я спрашиваю: где Серж?

– А! Он, ну-у-у, это...

– Опять в виртуал ушел?

– Ага!

– Бери его за шкирку и тащи сюда. Прямо сейчас! Я жду! – мэр отпустил кнопку.

– Колоритная у Вас секретарша! – заметил Содос.

– Да ну, позор один! – поморщился Густав.

– Так найдите другую.

– Где?

– А где Вы эту Аню взяли?

– Пф-ф-ф! Это моя племянница.

– А-а-а. Понятно.

– Я бы с удовольствием, но больше никого не нашлось. У всех нормальных людей дети как дети, одна она из себя взрослую корчит. У Ани все воспитание – бесконечные дешевые телесериалы. Результат Вы видели.

– Да. Видел, – Содос решил на всякий случай не развивать дальше эту тему.

На его счастье, в этот момент в холле послышался топот ног и, грохнув распахнувшейся дверью об стену, в кабинет влетел парень лет двадцати с взъерошенными рыжими воло-

сами, отчаянно сопротивляющимися робким попыткам хоть как-то их приструнить. Красные как у кролика-альбиноса глаза свидетельствовали о том, что он не отходил от игрового монитора как минимум неделю.

– Что прикажете, босс... э-э-э, здравствуйте! – Содоса он заметил не сразу.

– Черт, Серж, ты от этих бесконечных игрушек когда-нибудь ослепнешь! – проворчал Густав, – кто меня возить будет?

– Чтобы Вас возить, глаза мне и не нужны, – парировал Серж, – я все окрестности наизусть знаю.

– Вот и замечательно! В таком случае, покажи их господину Содосу. Возьми машину и проведи для него небольшую экскурсию.

– Нет проблем! А что именно ему показать?

– Ха! Можно подумать, что у нас здесь богатый выбор достопримечательностей.

– С чего начнем? – потирая руки, словно предвкушая роскошное пиршество, спросил Серж, когда они с Содосом вышли в холл.

– А ты уже обедал?

– Я еще и не завтракал!

– Тогда начнем с первого.

– С первого чего?

– С первого блюда. Я угощаю.

– Вот! Вот с чего всегда надо начинать! – радостно воскликнул Серж, – погнажи к Бочару!

Лимузин ждет!

Разумеется, Серж лукавил. Лимузином его колымага могла считаться только в силу контраста с остальными транспортными средствами, наличествующими в поселке, тем более, что за прошедшие годы свою роскошь она в значительной степени подрастеряла. Но все равно, это транспортное средство представлялось несравненно меньшим злом, нежели ржавый уродец, имевшийся в распоряжении Содоса.

Мальчуган лихо пронесся по поселку, пустив машину в занос на единственном встретившемся по пути повороте и окатив тучей пыли старика, по-прежнему сидевшего на крылечке бара. Из постепенно оседающего желтого облака донесся кашель и яростная ругань.

– Костыль, не кипятись! – Серж хлопнул его по плечу, подняв в воздух еще одно облачко, – дай-ка лучше чего-нибудь посмолить.

Старик ругаться не прекратил, но, тем не менее, достал из-за пазухи картонную коробку и вручил ему несколько сомнительного вида папирос в обмен на смятую купюру.

– Ты куришь? – Серж протянул одну из самокруток Содосу.

– К счастью, нет.

– Почему же «к счастью»? – парень хохотнул, тряхнув рыжей гривой, – по-моему, как раз наоборот! – он не стал дожидаться ответа и толкнул входную дверь.

Супруга Бочара, неопределенного возраста и необъятных размеров женщина, поставила перед ними подносы с обедом. Вряд ли бы Вы пришли в восторг, если Вам в каком-нибудь ресторане на обед предложили бы овощной суп, салат с овощным же рагу и жиденский компот из свежих яблок, да еще, вдобавок, запросили бы за все это астрономическую сумму. Но единственное слово «Мохарра» тут же расставляло все по местам. Строго говоря, ни один ресторан не позволил бы себе предложить Вам все эти блюда одновременно. И дело тут не в их, действительно, космической стоимости, а в том, что деликатеса не должно быть много, иначе он перестанет таковым быть. Но здесь, на родине «зеленого золота», все обстояло иначе, и, окинув взглядом свой обед, Серж только брезгливо поморщился.

– Что не так? – поинтересовался Содос, заправляя салфетку за воротник, – это же царское меню!

– А ты попробуй поцарствовать подобным образом несколько лет подряд – будешь смотреть на вещи иначе.

– Не знаю, не знаю, – Содос отправил в рот первую ложку и замолчал, закрыв глаза и блаженствуя, – по мне, так перспектива заманчивая. Что-то вроде того, как быть червячком, живущим в яблоке, я с детства этим тварям завидовал.

– Ага! А потом начинаешь жутко тосковать по обыкновенным макаронам, хот-догам и супам из бульонных концентратов.

– Ну, я думаю, что со мной такое случится еще не скоро, – усмехнулся Содос, – в своих бесконечных командировках я этого добра нажрался на несколько жизней вперед, так что сейчас я собираюсь с головой погрузиться в бесстыжее чревоугодие, чего и тебе желаю.

– Я уже и забыл, что это такое, – Серж вяло пошевелил ложкой в супе, глядя на своего уплетающего за обе щеки собеседника со странной смесью отвращения и зависти.

Его кислая физиономия так действовала Содосу на нервы, что он, не выдержав, заказал у Бочара еще два бокала местного вина, после чего Серж заметно повеселел и даже смог осилить свой салат.

– Каковы же цели этих твоих командировок, – спросил тот, отставляя опустошенный бокал, – закупки продовольствия?

– Почему ты так решил?

– Просто больше у нас делать нечего. Если кто-то и прилетает к нам в гости, то только за этим.

– Ход твоих мыслей мне понятен, но ты не угадал, – в тонких ловких пальцах словно из ниоткуда возникла очередная извлеченная из кармана визитка, – я вот за этим.

При взгляде на картонный прямоугольник брови Сержа сначала поползли вверх, потом он вроде бы собрался засмеяться и, наконец, нахмурился.

– Это что, розыгрыш?

– Нет.

– Но это же явная глупость, мы уже несколько лет ничего такого не закупали.

– Самое время попробовать!

– Тьфу, ерунда полная! – Серж бросил визитку на стол, – кто же вам такое насоветовал?

– Понятия не имею, возможно, что и никто, – Содос отодвинул пустую тарелку и взялся за стакан с компотом, – начальство называет мне пункт назначения, а я собираю чемоданы – и в путь. Возможно, оно берет справочник, открывает его на странице, где перечислены агрофирмы и наугад тычет в него пальцем, я не знаю.

– И как результат? При такой методике процент попаданий должен быть на уровне один на тысячу.

– Ну да, около того и выходит.

– Какой же тогда вообще в этом смысл? Ради чего так бросаться людьми и ресурсами? – судя по всему, здесь, в «Зеленых холмах» и то и другое ценилось на вес золота, а потому подобная расточительность всерьез задела парня.

– Я же сказал, понятия не имею, – Содос безнадежно махнул свободной рукой, – знаешь, наш офис расположен в крупном бизнес-центре. Место ходовое, и по коридорам там кочуют целые стада торговых агентов, пытающихся хоть что-то хоть кому-то сосватать. Питьевую воду, книги, журналы, купоны на скидки в торговых центрах, всего и не упомнишь. Мне пока что не встречалось еще ни одного человека, который бы у них купил хотя бы канцелярскую скрепку, но меньше их от этого не становится. Я понимаю, что здесь и сейчас я выгляжу ничуть не лучше, чем они, но такова се ля ви.

– Ну-ну, – Серж презрительно фыркнул, – ты покажи мне хоть один справочник, где упоминалась бы наша шарага!

– Наверняка можно найти такой, если поискать. При желании все что угодно найти можно.

– Могу даже подсказать – наш поселок почти наверняка стоит где-то в первых рядах списка самых безнадежных должников. Так что уже загодя должно быть понятно, что лететь сюда – пустая трата времени.

Серж бросил прощальный взгляд в свой опустевший бокал и с сожалением отставил его в сторону.

– И, если твое командование и впредь будет действовать таким же образом, то ваша контора очень скоро пойдет по миру, помяни мое слово. Ты еще не задумывался над поисками путей отступления?

– Пока еще нет, но если что – грамотный специалист никогда без работы не останется.

– Тебе виднее, я тебя предупредил.

– Спасибо, – Содос пригубил вино, чтобы скрыть улыбку. Желторотый мальчуган, пытающийся поучать человека, который вдвое его старше, выглядел жутко забавно.

Серж, вообще, вел себя несколько странно. Его поведение и интонации постоянно варьировались, словно он поочередно напяливал на себя разные маски. То эдакий рубаха-парень, что готов без умолку трепать языком с первым встречным, то прожженный циник, скрепя сердце, делящийся с вами драгоценными крупицами своего безбрежного жизненного опыта, то загадочный незнакомец, посвященный в некие секреты, и туманными намеками дающий понять, что в действительности все обстоит совсем не так, как на самом деле. Эти волны поочередно накатывали на парня, лишь изредка оставляя его в покое и обнажая истинное лицо Сержа – обыкновенный мальчишка, просто малость перебравший с виртуалом, играя за несколько разных персонажей одновременно.

В какой-нибудь другой жизни из него мог бы выйти недурственный актер.

Серж с хрустом потянулся и, увидев, что Содос опустошил свой бокал, поинтересовался:

– Ну-с, с чего начнем осмотр местных достопримечательностей?

– А какой выбор?

– Фруктовые сады или овощные грядки. Только думай быстрее, а то время у нас летит шустро, в сутках здесь всего восемнадцать часов.

– То-то я смотрю, у вас тут все носятся как ошпаренные, – Содос указал взглядом на неизменную компанию в обрамлении пустых пивных кружек. Пара ее членов мирно посапывала, привалившись друг к другу.

– Что поделаешь. Такая уж тут на Мохарре жизнь – быстрая, но скучная, – Серж поднялся, – ну, что ты решил, куда едем?

– Куда ближе.

– Значит, в апельсины.

Когда Содос забрался в машину и сел рядом с Сержем, тот скептически на него уставился.

– Нет, так не пойдет, – объявил он, после некоторого раздумья и сдернул у него с головы соломенную шляпу.

Несколькими движениями он лихо закрутил кверху ее поля, ударом кулака придал требуемую форму тулье и насадил обратно.

– Вот так-то лучше!

Повернув к себе треснутое зеркало заднего вида, Содос изучил свое двоящееся отражение. Идиотизм его гардероба только усугубился, поскольку теперь с некоторых ракурсов он стал напоминать покорителя дикого Запада, как их рисуют на картинках, только в костюме и очках. Оставалось вскарабкаться на лошадь – и можно скакать напрямик в дурку. Но, поскольку во избежание ненужных обид и дискуссий было решено во всем с Сержем соглашаться, он удовлетворенно кивнул и поднял вверх большой палец.

– Совсем другое дело!

– Тогда поехали, – машина тронулась с места. Прогромыхав мимо бара, они выехали за околицу и на первом перекрестке свернули направо. К вечеру жара удушающая снизошла до жары обыкновенной и ветерок, врывающийся в открытое окно, уже не напоминал горячее дыхание доменной печи.

– Заблудиться здесь невозможно, – объяснял мальчуган, – все имеющиеся дороги сходятся на этой развилке. Поедешь направо – попадешь в аэропорт, по средней дороге – на поля, а левая приведет тебя напрямиком к лесу.

Пыльные колеи вскарабкались на небольшой холмик, и перед их глазами раскинулись сочно-зеленые квадраты садов и огородов. Серж начал свой рассказ, переключившись в амплуа экскурсовода. «Посмотрите направо, посмотрите налево» и тому подобное. Причем, излагал он весьма складно, словно заранее роль разучивал. Временами даже закрадывалось подозрение, что их тут, в «Изумрудных холмах» и вправду толпы туристов осаждают.

– Первые поселенцы появились здесь чуть больше десяти лет назад. Если быть точным, то первыми прибыли, разумеется, зоологи, ботаники и прочие яйцеголовые. Изучали здесь свои пестики-тычинки и все такое. Первыми настоящими мохаррцами стали люди из тех, кто эту братию обслуживал. Ученые-то немного порезвились и слиняли, а простые работники остались и, похоже, навсегда. Хорошо, хоть Природа нас не обделила своей милостью... Ты ведь в курсе насчет мохаррского «зеленого золота»?

– Естественно!

– Так вот, ты пока смотри, как оно растет, а я, тем временем, продолжу.

А посмотреть, действительно, стоило. Ослепительная зелень апельсиновой рощи сменилась рядами теплиц, уберегающих сочные овощи от палящего зноя за затемненными стеклами. За теплицами открылось кукурузное поле. Покачивающиеся на трехметровой высоте спелые початки словно светились изнутри теплым янтарным светом. Серж, как заправский экскурсовод, изящными жестами предлагал обратить внимание то на одно, то на другое, подробно объясняя, что где.

– Я вот что спросить хотел, – заговорил Содос, указав рукой на темнеющий в долине лес, и возвышающиеся над ним зеленые колонны, – эти громилы – это что за издевательство над здравым смыслом?

– Сугубо местное явление. Pinus Moharra, – парень очень старательно выговаривал слова, стараясь, чтобы они звучали как можно более научно, – а по-нашему просто: пинус.

– «Сосна... Мохаррская», – перевел Содос, – верно?

– А кто его знает! Я в латыни не силен.

– Но почему они такие... огромные?

– Ха! Там, в центре оазиса земля настолько сочная, что любой так вымахает, только дай волю.

Навстречу им проехал грузовичок, в кузове которого громоздились желтые шары.

– Это тыквы повезли? – спросил Содос.

– Где? Это? – Серж бросил взгляд назад, – да нет, это дыни.

– Дыни!? – Содос до хруста позвонков повернул голову, провожая взглядом скрывшийся в пыли грузовик, – но они же размером с тыкву!

– А я что говорю! Видел бы ты, до какого размера может тут распухнуть тыква, если ее вовремя не остановить! – хохотнул Серж и хлопнул его по плечу, – чуть зазеваешься и пиши пропало. Не погонишь же на грядки подъемный кран!

– Здесь все так мощно прет?

– Почти. Горох размером с вишню, вишня – со сливу, слива – как персик и так далее. Фруктово-овощной рай! Причем, без каких-либо удобрений.

– Так-то оно так, – Содос покачал головой, – но я бы не сказал, что местная публика живет по-райски. Почему так получается? Я вот беру и умножаю все то, что я вижу, на его конечную

стоимость, за которую оно продается в магазинах. Получается астрономическая сумма. С учетом накладных расходов ее можно поделить, скажем, на пять, пусть даже на десять – все равно выходит очень и очень много. Отчего же здесь царит такая, не побоюсь этого слова, нищета.

– «На десять»? Ты смеешься!? А на сто не хочешь? А на тысячу?

– Но это же абсурд!

– Это, как ты сам выразился, се ля ви.

– И у кого же хватает наглости предлагать такие условия?

– У перекупщиков, у кого же еще?

– Но... почему вы не найдете кого-нибудь другого?

– Нереально. Абсолютно нереально, – Серж с кислой миной уставился на бегущий за окном зеленый пейзаж, – думаешь, мы не пробовали?

– Не понимаю! Ведь таких фирм полно! Где же конкуренция, в конце концов!?

– А кто ее знает! Во всяком случае, здесь ею и не пахнет.

– Как же так получается?

– Понимаешь, есть мелкие перекупщики, и есть крупные оптовые фирмы, – со вздохом начал объяснять Серж, но вскоре Содос понял, что и это печальное повествование также являлось неотъемлемой частью его «экскурсии», просто на данном этапе требовалось нагнать необходимый драматизм. В парне определенно пропал великий лицедей, – и у тех, и у других все схвачено, внутривидовая конкуренция, если так можно выразиться, отсутствует начисто. В дела друг друга они не лезут. Тут свои расценки, там – свои, и никуда от этого не денешься.

– А с крупными фирмами не лучше работать?

– Лучше, конечно. Ненамного, но, все же, лучше.

– Тогда почему же вы не?...

– Кишка тонка. Для того чтобы они согласились сотрудничать, нужно иметь определенные объемы производства, начиная с которых это сотрудничество имеет для них смысл. Мы до таких объемов еще не доросли. Пока не доросли.

– Даже так? – Содос окинул взглядом тянущуюся за левым окном бесконечную полосу полей, – сколько же вам нужно еще расти?

– Немного.

– За чем же дело стало?

Вместо ответа Серж свернул на обочину и остановился на вершине очередного холма.

Выйдя из машины, они встали у обочины, облокотившись на шаткую изгородь и любуясь расстилающейся перед ними панорамой. В ноздри ударил аромат яблоневого сада настолько сильный, что казалось, будто при каждом вздохе всасываешь в себя свежавыжатый яблочный сок. На заднем плане подпевал запах вишни, вкупе с еще не до конца выветрившимся воспоминанием об апельсинах и что-то еще.

– Красота! – восхищенно выдохнул Содос и снова набрал полную грудь пропитанного фруктовыми ароматами воздуха.

– Пф! Скажешь тоже! – Серж брезгливо сморщился.

– Почему так? – Содос недоуменно вскинул брови.

– У всех, кто здесь живет и работает, этот лес не вызывает ничего, кроме глухой злобы и раздражения.

– Как-то странно получается. Этот оазис вас кормит и одевает, а вы на него сердаете?

– За все, что он дает, лес берет слишком высокую цену. Каждый собранный урожай приходится обильно поливать потом и кровью.

– В чем же трудности?

– Начать можно с того, что плодородная земля здесь буквально на вес золота, – Серж указал пальцем себе за спину, – на той стороне дороги начинается голая выжженная пустыня,

тянувшаяся на сотни километров. А на этой, где мы стоим, уже можно выращивать некоторые, не особенно требовательные к воде культуры. Чем ближе к лесу, тем лучше условия.

– Что-то я пока не вижу особых проблем...

– Подожди, это только присказка. Мало того, что весь плодородный пояс составляет максимум пару сотен метров в ширину, так самые лучшие результаты получаются на узенькой полоске, отвоеванной, не побоюсь этого слова, у оазиса. Вон, гляди, – он вытянул руку вперед, – возле самых деревьев, видишь? Настоящее «зеленое золото» растет только там. Оно-то и приносит основную прибыль. Все остальные поля – для собственного пропитания. Так что с наращиванием объемов поставок есть некоторые затруднения.

– Что же мешает Вам эту полоску расширить?

– Лес. Местная флора тоже не дура и не собирается отдавать без боя плодородные почвы. Пока расчистишь от нее один квадратный метр – семь потов сойдет. Да и после этого, стоит только зазеваться, как она тут же захватывает его обратно. «Пограничные» посадки нужно пропалывать чуть ли не круглосуточно.

– А гербициды какие-нибудь пробовали?

– Какие? Это же не Земля! Здесь все другое, известные химикаты не подходят, а на исследования и разработку новых нужны деньги, которых у нас нет.

– Заколдованный круг получается? – Содос попытался обобщить услышанное, – чтобы вырваться из кабалы мелких перекупщиков и расплатиться с долгами, необходимо увеличить объемы поставок. Нужно расширять посевные площади, но на это не хватает сил, ресурсов и денег. Так?

Его чутье говорило о том, что в повествовании Сержа оставались некоторые провалы. Из всего, что он рассказал, складывалась вполне цельная и законченная мозаика местной жизни, в которой, однако, никак не находилось места для странного груза, заказанного Густавом. Должно быть что-то еще, что бы объяснило тот странный заказ. И Содос не ошибся.

– Ах, если бы дело ограничивалось только этим! – горестно вздохнул парень, – с растительностью бороться сложно, но можно. Скажем, высадить вдоль кромки леса земные сорняки. Эти ребята на здешних почвах способны задать жару кому угодно. А когда они оттеснят местных, применить против них какую-нибудь уже известную отраву – и земля очищена. Есть и другие способы. Терпение и труд, как говорится, любому шею свернут. Но помимо флоры существует еще и фауна.

– О! Какая же?

– Вообще-то, она довольно многочисленна и разнообразна, но главную проблему представляет только один ее представитель – Нуаена Мохарга, по-простому «хайенна». Переведешь?

– «Гиена Мохаррская», это несложно, – отозвался Содос, глядя на переливающийся в раскаленном воздухе лес, – кажется тот, кто раздавал эти названия, испытывал серьезные проблемы с фантазией.

– На все новые миры и их обитателей никакой фантазии не хватит.

– Ну да ладно, а в чем проблема с ними?

– Они тоже очень высоко ценят вкусовые качества нашего «зеленого золота». И не дураки хорошо покушать.

– И как, сильно гадят?

– Не то слово! – Серж снова поморщился, – а что не съедят – то потопчут. За один ночной набег могут уничтожить несколько гектаров, а у нас каждый квадратный метр на счету!

– Возможно, мой следующий вопрос прозвучит глупо, но есть же старые проверенные способы: забор, капканы, собаки, сторож с ружьем, наконец. В чем загвоздка?

– Такого забора, которого бы они не преодолели, еще не придумали, засеять капканами все поля напропалую тоже нереально, а что касается собак и сторожей... Лучше я тебе покажу.

– Что?

– Сегодня утром Дэн подстрелил одну тварь на винограднике, она должна еще там валяться, – парень шагнул к машине, – поехали! Посмотришь сам, а потом скажешь все, что ты об этом думаешь.

Дорога вновь заметалась вверх-вниз по поросшим мелкими колючими кустиками грядам. На очередном подъеме Серж свернул на узкую колею, тянущуюся по самому гребню между виноградников, сбегаящих вниз ровными рядами.

– Приехали, – затормозив, он выбрался из кабины и покрутил головой по сторонам, – это должно быть где-то здесь.

Пройдя вперед еще несколько метров, он взмахнул рукой, подзывая Содоса.

– Вон там, внизу, видишь? – указал он ему пальцем в ярко-зеленую, будто исполосованную гигантскими граблями лощину.

Содос поднял к глазам ладонь, закрываясь от солнца. Там, куда указывал Серж, между кустами виднелось серое пятнышко – то ли хвост, то ли лапа, высунувшаяся в проход. Он молча кивнул.

– Можешь пойти и взглянуть, если не боишься.

– А чего там бояться? – обеспокоено спросил Содос, – ее товарок?

– Нет, они только по ночам шастают. Днем – ни-ни.

– Чего же тогда?

– Да просто... А, забудь! – отмахнулся Серж, – не обращай внимания.

– Ты пойдешь?

– Чего я там не видел? Я тебя лучше здесь подожду, – мальчуган сунул руки в карманы и, поддевая ботинками дорожную пыль, побрел к машине.

Посмотрев ему вслед, Содос пожал плечами и начал спускаться с холма, срывая по пути сочные виноградины и отправляя их в рот. Густо переплетающиеся вокруг лозы скрыли от него серое пятнышко, но он запомнил направление и решил, что, пожалуй, сможет найти нужное место и так. Тем более что идти недалеко. Обернувшись, Содос увидел Сержа, который, облокотившись на капот, раскуривал сигарету и, казалось, с интересом наблюдал за ним. Помахав ему рукой, он углубился в зеленые заросли.

Он все рассчитал правильно.

Он вышел точно туда, куда нужно.

Завернув за очередной ряд, он увидел, услышал, почувствовал... это.

Содос словно налетел с разбегу на бетонную стену. Воздух наполнился гудением поднявшейся с трупа тучи мух, но казалось, что гудят его закипающие мозги. Он хотел закрыть глаза, зажмуриться, чтобы не видеть открывшейся перед ним картины, но время остановилось, и веки двигались с медлительностью дрейфующих айсбергов, заставляя его смотреть против своей воли.

Оскаленная в предсмертной судороге пасть с несколькими рядами мелких зубов, густой мех, колышущийся под порывами легкого ветерка и меняющий при этом цвет с темно-серого на грязно-зеленый и обратно, лапы разной длины, выгнувшиеся под дикими углами, напоминая скрюченный бамбук. Все это словно выжигалось у Содоса на сетчатке, причиняя буквально физическую боль.

Он, наконец, смог зажмуриться и судорожно вздохнул. В нос ударил резкий запах металла, смешанный с чем-то сладким, вроде патоки. Желудок свело яростной судорогой. Содос сложился пополам, одной рукой схватившись за живот, а другой цепляясь за кусты. В ушах гулко бухало бешено колотящееся сердце. Ветви жалобно затрещали, когда он покачнулся, потеряв равновесие. Оттолкнувшись, Содос развернулся и попытался подняться, но вместо этого повалился в другую сторону. Он открыл глаза, но не увидел ничего, кроме

красного тумана, который темнел с каждым мгновением. Руки судорожно искали хоть какую-то опору, но ловили лишь воздух.

Он упал на четвереньки и его стошнило. Все вокруг поглотила темнота.

– Даже и не знаю, что это вдруг на меня нашло? – кряхтя и отдуваясь, Содос преодолел последние метры подъема и привалился рядом с Сержем к раскалившейся на солнце машине, – я вроде бы никогда особой впечатлительностью не отличался.

Выглядел он неважно. Шляпа потерялась где-то среди виноградников, брюки на коленях перепачкались в земле, на пиджаке виднелись мокрые пятна. Попытавшись пригладить растрепанные волосы, Содос извлек из них пару запутавшихся листьев.

– В первый раз такое со всеми случается, – успокаивающе сказал Серж и протянул ему плоскую металлическую флягу, – на, хлебни, может, полегчает.

Нельзя сказать, чтобы от обжегшей рот и горло пронзительно пахнувшей жидкости Содосу стало сильно лучше, но, по крайней мере, он на какое-то время забыл о других проблемах.

– Уф! Что это за термояд? – только и смог, наконец, выдавить он, когда чуть отдышался.

– Лекарство от стрессов, – Серж убрал флягу во внутренний карман, – помогло?

– Надеюсь, это твое лекарство меня не убьет? Не хотелось бы помереть раньше времени от такого интенсивного курса психотерапии.

– Не должно, стопроцентно натуральный продукт.

– Ладно, увидим, – Содос снял испачкавшиеся очки и принялся протирать их платком, – так все же, что со мной случилось, отчего меня так развезло? Я даже на пару секунд вырубился. Эти хайенны, они, часом, не ядовитые?

– Абсолютно безвредные, – Серж отрицательно помотал головой, – это естественная реакция твоего организма. Реакция отторжения.

– Отторжения чего?

– Всего чужеродного.

– Слушай, не томи! – Содос нацепил очки и укоризненно посмотрел на своего экскурсовода, – скажу сразу: я понятия не имею, о чем ты толкуешь. Мне чертовски не нравится, когда ни с того, ни с сего меня вдруг выворачивает наизнанку, и я хочу понять, почему это произошло. Если у тебя уже заготовлена лекция и на эту тему, то давай, выкладывай, я с удовольствием послушаю.

– Ладно, ладно, – Серж вздохнул, – никакого секрета тут нет. В целях самосохранения, человеческий организм, его иммунная система отторгает все инородные тела, будь то заноза или пересаженный донорский орган.

– Я в курсе, но при чем здесь это? Я к той твари даже близко подойти не успел! Что отторгать-то? Запах? Его я почувствовал позже, когда меня уже скрутило.

– Твой организм не приемлет самого факта существования хайенны.

– Это что еще за бред?

– Это не бред, это факт. У тебя в командировках случались проблемы с пищеварением от незнакомой кухни?

– Бывало, и что?

– Что такое «акклиматизация», знаешь?

– Естественно!

– А «апланетизация»?

– Хм, кажется, начинаю догадываться. То же самое, только малость покруче.

– Слишком мягко сказано, – Серж усмехнулся, – некоторые люди в чужой биосфере вообще находиться не могут, хотя никаких объективных причин для этого нет – ни опасных бактерий, ни вредной атмосферы, ничего. Знаешь, почему в городах на других планетах нет ни грамма зелени, а если и есть, то только земная в кадках и клумбах?

– Никогда не обращал внимания, – Содоса неожиданно заинтриговало то, о чем говорил Серж, – я-то все больше с техникой и с людьми работаю.

– Я однажды видел женщину, которая поехала на экскурсию за город. Здесь, в столице. Так вот, когда автобус подъезжал к оазису, с ней случился припадок. Колотило ее по страшному! Пена у рта, судороги и все такое... А один мужик, сообразивший, в чем причина, завязал ей глаза, чтобы она не видела леса, и все закончилось. Ее прямо так, с завязанными глазами, посадили на попутку и отправили обратно, в город. Вот. Впрочем, столь сильная реакция встречается нечасто.

– Не знаю, не знаю, на меня ваш лес что-то никакого негативного эффекта не оказал, – Содос указал на темнеющую невдалеке зеленую стену, – смотрю вот и не жалуясь.

– Да? Ты так считаешь? А ты попробуй познакомиться с ним поближе!

– В смысле?

– Сейчас продемонстрирую, – Серж наклонился, высматривая что-то на обочине, – ага, вот!

Он сорвал какую-то травинку и протянул ее Содосу.

– На, держи. Этот местный сорняк растет буквально повсюду, никакого спасу от него нет. Да ты не бойся, – подбодрил он, видя, что тот колеблется, – он совершенно безобидный!

Протянув руку, Содос осторожно взял травинку двумя пальцами и поднес к глазам, чтобы рассмотреть повнимательнее. «Совершенно безобидный», сказал Серж, но почему-то рука, покрывшись мурашками, так и норовила отбросить тонкую зеленую с лиловатыми прожилками веточку. Он почти физически ощущал, как от нее по вспотевшим пальцам расплзается невидимая грязь.

Содос выронил травинку и машинально вытер ладонь о брюки. Его передернуло.

– То-то же! – удовлетворенно констатировал Серж, – а вздумай ты поковыряться ею в зубах, то промывание желудка тебе гарантировано.

– Я уже промыл, – буркнул Содос.

– И знаешь, почему так получается?

– Ну?

– Они чужие! И эта травинка, и лес, и хайенна, даром, что дохлая. Человеческий организм с ними просто несовместим. Собачий, как выясняется, тоже. Самые свирепые ротвейлеры даже носа за пределы поселка не высовывают, а когда их вывозишь на машине, забиваются под сиденье и скулят как щенки малые, так что о собаках можно забыть.

– А сами почему не охраняете, пусть даже без собак?

– Ты что, совсем дурной? – Серж даже возмутился, – вот ты сам согласился бы пойти ночью сторожить поле, зная, что тебе светит встретить живую хайенну? Причем, взрослую, а не щенка, которого ты видел. Да что там! У тебя вот хватит духу прямо сейчас сходить и посмотреть на эту тушку еще разок, поближе? А?

– Спасибо, что-то не хочется, – при воспоминании об увиденном, Содоса снова передернуло, – а ты сам видел... живую?

– Да, пару раз, – кивнул Серж, – хотя, правильнее будет сказать не «видел», а «слышал».

– Почему?

– Оказавшись совсем рядом с затаившейся взрослой хайенной, ты ее не увидишь, но поймешь, что она рядом потому, что неожиданно оглохнешь. Я не знаю, как они это делают, будто впитывают в себя все окружающие звуки и все тут. Возможно, это помогает им подкрадываться незамеченными к своей добыче, я не знаю. Ощущение кошмарное. Тебя просто парализует – не можешь пошевелить ни рукой, ни ногой, бежать невозможно, не говоря уже о том, чтобы вертеть головой по сторонам, пытаясь углядеть эту тварь. Увидишь – будет только хуже.

– Почему?

– Тебя от дохлой-то чуть наизнанку не вывернуло, а при виде этого отродья вживую, иногда колбасит так, что свистать начинает изо всех отверстий сразу. Со временем ко всему привыкаешь, острота впечатлений несколько притупляется, но все равно, пробирает до самой селезенки. Единственное, что остается – это зажмуриться и, не двигаясь, ждать, когда она уйдет сама.

– И она уйдет?

– Да, хайенны людей тоже не очень-то жалуют. Чуть шевельнется воздух, пахнет железом, и все станет как обычно. Только штаны поменять – и порядок!

– М-да, похоже, что я еще легко отделался, – Содоса снова передернуло, – как же тогда вы с ними управляетесь?

– А никак! Засеваем вытопанные поля по новой и надеемся, что на этот раз нам повезет больше.

– Какая-то безрадостная картина получается. Чем дальше в лес, тем больше... хайенн? Так?

– Угу.

– Так у вас не один, а целых два заколдованных круга. Один в другом, – Содос отвернулся и поскреб щеку, упорно стараясь не смотреть в сторону виноградника, чтобы случайно не увидеть то самое серое пятнышко, – вы не можете собирать больший урожай, пока не разберетесь с этими мохнатыми тварями, верно?

– Верно.

– И что, никакого просвета?

– Отчего же? Надежда есть всегда, – Серж оттолкнулся от машины и, с наслаждением потянувшись, открыл дверцу, собираясь забраться в кабину, – поздно уже, поехали обратно.

– И на что же вы возлагаете свои чаяния? – полюбопытствовал Содос, усаживаясь на сиденье, – если это не является каким-то шибко секретным ноу-хау конечно.

– Ты завтра улетаешь?

– Нет еще, хочу, пока есть такая возможность, наесться мохаррских вкусностей за казенный счет.

– И это правильно, – кивнул Серж, – в таком случае, я думаю, завтра ты получишь ответ на свой вопрос. Поехали!

Колымага, по-старчески брюзжа и ноя, неспешно переползала с холма на холм, выныривая из стремительно затопляемых ночной чернотой лощин на песчаные гребни, окрашенные заходящим солнцем в разные оттенки кровавого цвета. Серж молчал, глядя в окно и выставив наружу руку с зажженной самокруткой, за которой тянулась бледная ниточка дыма. Содос тоже не предпринимал попыток возобновить разговор.

Он уже получил ответ на главный мучивший его вопрос. Для составления целостной картины происходящего и увязывания в единую цепь всех событий даже не потребовалось решать заумную головоломку. В самом деле, нельзя же всерьез считать головоломкой мозаику, состоящую всего из двух частей. Один плюс один дает два, и здесь вряд ли возможны какие-либо разночтения.

Попрощавшись с Сержем, Содос нырнул в освещенную дверь бара. Машина к этому времени уже растворилась в темноте. Поневоле начнешь дорожить каждой минутой сна, когда вставать приходится уже через пять часов после отбоя. Содос пока еще не перестроился на местный ритм жизни и сомневался, что сможет быстро заснуть, тем более, после такого количества приключений, умудрившихся втиснуться в один день. Подумать только, еще сегодня утром он сидел в мягком кожаном кресле дальнего лайнера, вынырнувшего из подпространства неподалеку от Мохарры.

Бар пустовал, если не считать Костыля, прикорнувшего на скамейке у дверей. Из-за стойки поблескивала лысина Бочара, смотревшего телевизор и, одновременно, что-то потя-

гивавшего из алюминиевой кружки. Услышав, как скрипнула входная дверь, он вытянул шею, бросив на Содоса взгляд сквозь строй расставленных на стойке стаканов.

– Добрый вечер, господин Содос! – поздоровался он, – а я уже начал подумывать, не съест ли мне Ваш ужин.

– Если не возражаете, то я сам, – Содос сел за столик у стены так, чтобы видеть экран подвешенного под потолком старенького телевизора. После прогулки по плантациям и знакомства с мертвой хайенной он полагал, что сможет не даже смотреть на еду, но, когда Бочар поставил перед ним поднос, Содос понял, насколько он голоден и буквально набросился на салат.

Бармен тем временем вернулся на свой наблюдательный пост на табуретке за стойкой и возобновил просмотр новостей, ассортимент которых изо дня в день не претерпевал практически никаких изменений.

Официальные встречи с натянутыми на лица дежурными улыбками, безуспешно пытающимися скрыть разочарование от провала переговоров, очередное безнадежное судебное разбирательство, направленное против крупной транснациональной корпорации, светская хроника... обычный гляцевый фасад. А сквозь эту ширму, как через щели в заборе, проглядывали редкие скупые факты о реальном положении дел на заднем дворе: взрывы, беспорядки, непрерывный рост цен на все, что только можно и т. п.

– Что Вы находите такого интересного в Галактических новостях? – поинтересовался Содос с набитым ртом, – какой от них прок в Вашей, извините, глуши?

– Надо быть в курсе того, что происходит в мире.

– Да ну, бросьте! Что бы там ни случилось, здесь же все останется по-прежнему. Пустая трата времени.

– Для меня новости – что-то вроде бесконечного сериала. Мыльная опера с тысячами серий, каждая из которых построена по строгим канонам жанра.

– И каковы, по-Вашему, эти каноны?

– Завязка – официальная хроника, кульминация – вовремя подогнанный сенсационный материал и развязка с обязательным хэппи эндом – прогноз погоды. Вот в чем, в чем, а в счастливом конце можно не сомневаться – погода у нас круглый год одна и та же.

– Это же скучно!

– Есть такое, – согласился Бочар, – но, если не занимать мозги хотя бы подобной манной кашей, то они начнут думать о чем-нибудь другом, а ничего такого, о чем стоило бы подумать, вокруг нет. Тут и умом тронуться недолго.

– Сочувствую.

– Не стоит беспокойства, я уже привык.

Какое-то время единственными звуками, раздававшимися в зале, оставались полусонное бормотание диктора и звонкий хруст сочных огурцов.

– М-да, – подвел итог Бочар, когда выпуск новостей закончился, – кульминация сегодня малость подкачала.

– Отчего же, – не согласился Содос, – угон пассажирского лайнера – неплохое развлечение. Для зрителей, я имею в виду.

– Всего лишь попытка, да и та неудачная. Не-ет, так дела не делаются. Подобными вещами должны заниматься профессионалы, а не зеленые балбесы.

– По-моему, это верно для любого рода занятий.

– Порой мне кажется, что телекомпании сами и оплачивают такие «дерзкие преступления», чтобы показать в новостях горяченький материал.

– Ну, это Вы загнули!

– Да почему? За этот год еще не было ни одного эксцесса, который бы завершился успешно для злоумышленника и повлек бы за собой человеческие жертвы. Закон всегда торжествует. Все получается как-то... сахарно, что ли. Сплошная профанация! То ли дело раньше! –

Бочар мечтательно поднял глаза к засиженному мухами потолку, – раньше не мелочились, груженные танкеры угоняли! Бесследно!

– Да-да, припоминаю, – оживился Содос, – года три или четыре назад, да? Никаких концов так и не нашли, если я не ошибаюсь?

– Я же говорю Вам, раньше все делалось солидно, внушительно и чисто! Никаких следов!

– Только я так и не понял, кому и зачем это понадобилось. Космотанкер так просто ведь не продашь, да и нефть с него в подворотне не сольешь. Темное дело.

– Пф-ф-ф! А Вы помните, как подскочили после этого цены на топливо!? Так с тех пор и не опустились! Эта, как ее, «Кросстар петролеум» только на этом скомпенсировала потерю своего танкера раз десять, как минимум. Так что, дело не только темное, но и грязное!

– Да ну Вас в болото! – Содос раздраженно отмахнулся, – то чисто, то грязно... У Вас кругом сплошные заговоры получаются.

– Я ничего не придумываю, такова жизнь.

– Ладно, Вы как хотите, а я пойду спать, – Содос поднялся из-за стола, – спасибо за ужин!

– На здоровье!

– Вы сами-то спите хоть иногда? А то создается впечатление, будто Вы сидите тут за стойкой круглые сутки.

– Собственно, это недалеко от истины. Я сплю тогда, когда есть такая возможность. Часок там, часок тут... – Бочар выключил телевизор, и посмотрел на часы, – я тоже пойду, пожалуй, а то завтра суматошный день.

– А что будет завтра?

– Сами увидите, если будете вести себя тихо и не станете задавать лишних вопросов.

– Вы меня заинтриговали, – Содос нахмурился, – да и Серж на нечто интересное намекал. Что, еще один заговор?

– Разумеется! – хохотнул бармен так громко, что проснувшийся Костыль заворочался на лавке и пробормотал что-то недовольное, – я же Вас предупреждал!

– Да ну Вас в болото! – повторил Содос, – спокойной ночи!

– Спокойной ночи!

Игра вторая

Неудобная, словно набитая крупными картофелинами кровать, терзание сомнениями в ее чистоте и тоска по прохладному душу привели к тому, что Содос спал очень плохо и проснулся рано, злой на весь белый свет.

Солнце еще не взошло, и он решил позавтракать на балконе, покуда воздух чист и прохладен. Кроме того, хотелось минимизировать общение с местной публикой во избежание ненужных расспросов и подозрений. Спустившись вниз, Содос забрал поднос у Бочара и устроился за столиком у перил, любуясь окутанной утренним туманом темной громадой леса.

Чуть погодя с улицы послышалось урчание моторов, лязг захлопывающихся дверей и голоса. К бару подтягивались фермеры.

Негромко, словно извиняясь, скрипнула дверь, и на балкон чуть ли не крадучись, что при его комплекции выглядело, по меньшей мере, забавно, проскользнул Густав.

– Доброе утро!

– Доброе утро, господин мэ́р!

– Я ненадолго, – торопливо заговорил тот, – я бы хотел, так сказать, согласовать наши позиции. Вы поедете в аэропорт встречать груз?

– Разумеется.

– Тогда давайте сделаем так: челнок прибывает в девять часов, мы с ребятами поедем где-нибудь за полчаса до этого, а Вы отправляйтесь прямо сейчас, – Густав бросил взгляд на часы, – припаркуйтесь на стоянке за диспетчерской и сидите, не высывайтесь. На вашу машину никто не обратит внимания, а Вам будет все прекрасно видно. Идет?

– Приемлемо, но как быть с рябым парнем, который там дежурит?

– О! Не волнуйтесь, Гарик по обыкновению все проспит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.